

безусловно, и количественно (по числу актуализаций), и качественно (по разнообразию дескрипторов) уступает мифопоэтическому. Интенциональное поле образа слитно и не всегда допускает четкую идентификацию позиций СО, СС и ОС, что, в свою очередь, свидетельствует о «родстве всего со всем» в мифопоэтической картине мира автора.

Исследование показало большую актуализацию в стихотворении Бродского верха (лист, гнездо, вороны) по сравнению с серединой и низом (корни) при вертикальном членении мирового дерева.

Литература

- Голосовкер Я.* Логика мифа. М.: Наука, 1987.
- Ионова Ю. В.* О культе деревьев в Корее / Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986. С. 216–229.
- Иофе В. В.* Благая весть лесов <http://memorial-nic.org/iofe/55.html>
- Мифы народов мира.* Энциклопедия. Т. I–II / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1991–1992.
- Словарь русского арго* http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_700
- Слухай (Молотаева) Н. В.* Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко. Киев, 1995.
- Топоров В. Н.* «Світове дерево»: універсальний образ міфопоетичної свідомості // Всесвіт. 1977. № 6. С. 176–193.
- Эпштейн М.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

Н. Г. Колошук

Волынский национальный университет
им. Леси Украинки, Украина
n_koloshuk@ukr.net

Анализ одного стихотворения в сравнительном аспекте: диссидентские послания 1970-х гг.

(«Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...»

И. Бродского и тюремно-лагерные стихотворения В. Стуса)

Стихотворение Иосифа Бродского «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...» написано в первые годы эмиграции в 1975–1976 гг. и входит в составе цикла «Часть речи» [Бродский 1992: 452]. Тюремно-лагерные послания — как правило, в письмах жене — его совре-

менника (почти ровесника¹) из поколения украинских диссидентов — «шестидесятников» Василия Стуса созданы в условиях жесточайшей цензуры в 1972–1979 гг. и входят в посмертно опубликованный сборник под названием «Палимпсесты» (См. первое издание на Украине: [Стус 1990]). Поводом для сравнения послужила как историческая сопряжённость произведений двух поэтов — соотечественников и современников из не столь далёкой от нас эпохи, так и жанровая, и образно-поэтическая близость, обусловленная временем и судьбой диссидентов. Новизна подобного подхода в том, что сопоставление произведений Бродского и Стуса никогда не проводилось.

Послание / письмо в лирике Бродского — довольно часто используемый жанр [Бродский 1991]. Идя вслед давней богатейшей поэтической традиции русской лирики, поэт вкладывает в эту форму разнообразнейший смысл — от историософского («К Евгению» из «Мексиканского дивертисмента») и сатирического («Конец прекрасной эпохи») до политически злободневного («На смерть Жукова»), ернически-трагестийного или интимно-трагического («Двадцать сонетов к Марии Стюарт», «На смерть друга» и проч.). Среди такого разнообразия анализируемое стихотворение выделяется особо пронзительным звучанием ностальгической темы, которая в стихотворениях первых эмиграционных лет автора, как правило, приглушена, маскируется иронией, стилизацией, трагестией, квазиисторическим или мифологическим антуражем («Письма римскому другу», «Классический балет есть замок красоты...», «Одиссей Телемаку» и др.). В «Ниоткуда с любовью...» ностальгические мотивы на поверхности, а ирония прорывается горьким, нестерпимым отчаянием, едва сдерживаемой болью: *«извиваясь ночью на простыне — / как не сказано ниже по крайней мере — / я взбиваю подушку мычащим*

---

¹ Василий Семёнович Стус родился в Винницкой области в 1938 г. Дважды был осуждён как диссидент — «украинский буржуазный националист»: после первого ареста в январе 1972 г. отбыл пять лет ссылки на Кольме; в 1979 г., спустя восемь месяцев после освобождения, последовал новый арест и «срок» уже на 15 лет. Умер в спецлагере в Мордовии 4 сентября 1985 г. Был погребён недалеко от посёлка Кучино Чусовского района на лагерном погосте в безымянной могиле. Перезахоронение его тела и останков двух его братьев О. Тихого и В. Литвина на мемориальном Байковом кладбище в Киеве в ноябре 1989 г. вылилось в многотысячную демонстрацию, возглавляемую Народным Рухом Украины и ознаменовавшую национально-освободительное движение в годы «перестройки». См. воспоминания о поэте и хроника перезахоронения в 1989 г. [Нецензурный Стус 2002; 2003].

“ты” / за морями, которым конца и края, / в темноте всем телом твои черты, / как безумное зеркало повторяя».

При этом стоящее за текстом общественно-историческое содержание, детали эпохи, быта, биографии введены в его ткань скупой и как бы вскользь: страну пребывания лирический герой называет *«одним из пяти континентов, держащимся на ковбоях»*, включая в иронический перифраз самый расхожий брендовый штамп американской культуры, а по обозначению места, где проживает — *«в городке, занесённом снегом по ручку двери»* — угадываются реальные обстоятельства его жизни (преподавание в американских университетах). Причины эмиграции (это слово в поэтические тексты Бродского никогда не входило) обозначены туманно: *«я любил тебя больше, чем ангелов и самого, / и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих»*.

Часто используемый Бродским приём умолчания здесь срабатывает в контексте отрицательного обозначения обстоятельств послышки «письма»: *«ниоткуда», «неважно / даже кто, ибо черт лица, говоря / откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но / и ничей верный друг вас приветствует»*... Стихотворение, вызванное к жизни личным переживанием нелёгких для автора первых лет в чужой стране, тем самым приобретает философски-универсальный смысл: мы читаем его как признание отчуждённого человека — одного из многочисленных *l'etranger* ей в мировой литературе XX века, как крик боли из сердца одиночки, затерявшегося в равнодушном мире и тщетно пытающегося удержать в памяти дорогих людей (*«ибо черт лица... не вспомнить»* и т. д.).

Именно в этом смысле послание Бродского сопоставимо с медитациями узника в лирике В. Стуса, где исходящая болью душа рвётся за земные пределы: *«Німі, нерозпізнанні вже уста, / серця студені, тьмою взяті очі / і шкарубкі долоні, де вже доль / не розпізнаєш лінії. / То рештки / душі твоєї, що напівжива. / О болю болю болю мій! / Куди мені податися, щоб тільки / не трудити роз'ятреної рани, / не дерти серця криком навісним?»* («Виснажуються надра: по світах...») из цикла «Трени М. Г. Чернишевського» [Стус 2003: 229]

Различие степеней трагического звучания вполне объяснимо условиями создания текстов: душевный опыт лирического героя у В. Стуса намного тяжелее, его метафизические составные выходят за пределы доступного обыденному сознанию, поскольку многолетнее пребывание автора за колючей проволокой наложило на них свой

отпечаток. В частности, у Стуса неощутимо то виртуозное владение нюансами лёгкой иронии в разговорном языке, умение неожиданно и разнообразно сталкивать их на всех уровнях текста, которые присутствуют и у Бродского. У Стуса многослойность смыслов, в том числе и вводимых через интертекстуальные связи, мерцает в глубине — она не подчёркнута эффектными приёмами¹; стусовские послания звучат серьёзно и трагически, самый распространенный регистр их интонационной палитры — молитва. Но в выражении главной философской проблемы — проблемы отчуждения — оба поэта поразительно схожи. Как и в применении скупых средств для художественного обозначения внешних обстоятельств — собственно, они едва угадываются: «*Коли б не ти — оця зима / мені була б, як нескінченна / оскліла вулиця. Для мене / без тебе і життя нема. / Коли б не знав, що в тиші тиши / і в нітьмі теміні немає / твоєї свічки, що світає / попід безоднею узвиш — / я збожеволів би давно. / Щодень за днем, щорік за роком // вглядаюся в сумне вікно — / і бачу мигдалеве око, / Вітчизно, Матере, Жоно! / Недоля ця, коли б не ти, / мене косою підкосила, / а ти всі крила розкрилила / і на екрані самоти / до мене крізь віки летіла / і шепотіла, шепотіла: / Це ти, мій сину. Муже, ти!»* [Стус 2003: 257]²

С точки зрения использования лексических и стилистических образных средств, подхода к языковому материалу у Бродского и Стуса также наблюдается схожесть: прежде всего находчивость и непринуждённость лексических новообразований и фразеологических / словообразовательных нарушений («*надцятого мартобря*», «*ангелов и самого*» [Бога], «*конца и края*» [нет] — «*пустелею моїх молодощаст*», «*кождодня вертаюся в витілки*», «*ступати безворотною дорогою*» («*Ти десь живеш на призабутім березі...*» [Стус 2003: 212]), игра стилизованными средствами. Например, у Бродского в анализируемом тексте использовано как приём вставное выражение, выделенное с обеих сторон с помощью тире: «*как не сказано ниже по крайней мере*». В усложнённой синтаксической

---

¹ На фоне неоавангардистских исканий в украинской поэзии 1960-х гг. (Иван Драч, Николай Винграновский, Василий Голобородько, Игорь Калинец, поэты «нью-йоркской» школы и др.) стихи Стуса считаются «традиционными». Это мнение не раз высказывали его коллеги-«шестидесятники», сохранилось оно и в настоящее время.

² В цитируемом полностью стихотворении ощутимы не только многочисленные украинские поэтические связи с образом Матери-отчизны, но и блоковская реминисценция: «*О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!*»

конструкции единственного предложения, составляющего целостный текст стихотворения, его роль сродни находчивым ремаркам в отточенном слоге пушкинского повествования в «Евгении Онегине»: *«И вот уже трещат морозы / И серебрятся среди полей... / (Читатель ждёт уж рифмы розы; / На, вот возьми ее скорей!)»* Бродский, дважды употребив обстоятельство *ночью* (*«поздно ночью в уснувшей долине... извиваясь ночью на простыне»*), вынужденно полуизвиняется перед читателем за неряшливость стиля, но на самом деле это выражение как нельзя более уместно: ночному монологу измученного бессонницей лирического героя оно добавляет спонтанности, непредумышленности — сложная синтаксическая конструкция становится естественной, непредсказуемой речью.

Точно рассчитано и функциональное значение незаконченных или вроде бы беспорядочно нагромождаемых клише из соответствующего жанру языкового обихода, и нарушения синтаксиса (*«дорогой уважаемый милая, но неважно / даже кто»*), и перемешивание книжных и разговорных единиц: церемонно-книжный союз *«ибо»*, приобретающий ироническое звучание благодаря соседству с осколками обращений-клише; оксюморонное соседство отрицательного местоимения *«ниоткуда»* с клишированной формулой квазиинтимного послания — *«с любовью»* — и макабрическим *«надцатым мартабря»* в этом словаре звучит вполне органично.

Наконец обратим внимание на ритмическую структуру выбранного стихотворения. У его автора блестящее владение стихотворной техникой очень часто намеренно сменяется кажущимся косноязычием, затруднённой синтаксиса и ритмической бессистемностью (*«Я был в Мексике, взбирался на пирамиды. / Безупречные геометрические громады / рассыпаны там и сям на Тегуантепекском перешейке. / Хочется верить, что их воздвигли космические пришельцы, / ибо обычно такие вещи делаются рабами. / И перешеек усеян каменными гробами»* — «К Евгению»). В *«Ниоткуда с любовью...»* автор использует ритмическую структуру тактовика, близкую к разговорной речи. Усложнённая синтаксиса, «вздыбленность» труднопроизносимых, шершавых звуко- и словосочетаний в первой половине текста (ровно 8 из 16 строк) вполне оправдана содержанием бессвязного ночного письма-полубреда, а обыгранные то лексически необычной, то затейливой составной рифмой (*мартабря — говоря, неважно — не ваш, но*) переносы-анжамбеманы во втором, третьем

и четвёртом стихах сменяются в последующих всё более лёгкими, простыми созвучиями, ностальгически звучащей мелодией из русской поэтической классики: «я любил тебя больше, чем ангелов», «твои черты», «безумное зеркало».

У В. Стуса слышим завораживающее аллитерациями и ассонансами применение ритмически разнообразных структур — и на основе классических регулярных размеров силлабо-тоники, и вводимых в украинскую поэтическую традицию со времён «расстрелянного возрождения» (Ю. Лавриненко) 1920-х гг. тонических — дольника, тактовика. «Уже Софія відструменіла, / відмерехтіла бузковим гроном, / ти йшла до мене, але не встигла / за першим зойком, за першим громом. / <...> Благословляю твою сваюлю, / дорого долі, дорого болю. / На всерозхресті люті і жаху, / на всепрозрінні смертного скрику / дай мені, Боже, чесного шляху, / дай мені, Боже, гордого луку!» («Уже Софія відструменіла...») [Стус 2003: 320]

Мелодически и ритмически стихи Стуса вбирают и строй народной песни, и шевченковскую традицию, и изысканные созвучия модернистских времён, в том числе и воспринятые через переводы. Стус много и настойчиво переводил (в условиях тюрьмы и лагеря): с немецкого — Гёте и Рильке, П. Целан и Э. Кестнер, с испанского (отдельные опыты Ф. Гарсиа Лорка), с французского (Рембо), с русского (Цветаева), с английского (Киплинг), с итальянского (Дж. Унгаретти), с идиша (см.: [Стус 2003: 387–410]). То есть и в своём формальном новаторстве оба поэта принципиально близки: находясь в русле национальной поэтической традиции, они сознательно развивали и расширяли её горизонты.

Как нам кажется, сравнительный аспект анализа (даже на материале одного стихотворения) даёт возможность прочитать Бродского несколько иначе, чем его читают русские читатели «изнутри» своей традиции. В частности, сравнение со стихотворными посланиями Стуса выявляет в русской и украинской литературе 1960–1970-х гг. не только созвучия ностальгической темы, но и похожие формально-эстетические поиски, изменяющие лицо национальной культуры, обогащающие её. При этом сравнении каждый из поэтов видится во всей глубине его экзистенциальных проблем и полноте мастерства: Бродский — как виртуоз иронии, интертекстуальных стиливых сближений и экспериментов, Стус — мастер выявления глубинных оттенков и полутонов, созвучий и отголосков.

Литература

- Бродский И.* Письма римскому другу: стихотворения // Иосиф Бродский / сост. Е. С. Чижова; худож. В. А. Панкевич. Л.: Ленинградский комитет литераторов, ЭТС «Экслибрис», 1991.
- Бродский И.* Формы времени: стихотворения эссе, пьесы: В 2 т. / сост. В. И. Уфлянд; худож. С. В. Баленок. Минск: Эридан, 1992. Т. 1: Стихотворения.
- Нецензурний Стус. Книга у 2-х частинах / упоряд. Б. Підгірного. Тернопіль: Підручники і посібники, 2002. Ч. 1.
- Нецензурний Стус. Книга у 2-х частинах / упоряд. Б. Підгірного. Тернопіль: Підручники і посібники, 2003. Ч. 2.
- Стус В. С.* Дорога болю: поезії / Василь Стус; упоряд. та післямова М. Х. Коцюбинської. Київ: Рад. Письменник, 1990.
- Стус В.* Палімпсест: вибране / Василь Стус; упоряд. Д. Стуса; [передм. І. Дзюби]. Київ: Факт, 2003.